

Если бы Девятое высочество хоть немного шалила, Гу Шэн, невзирая на угрозы, с упрямством «не склоняясь перед силой», подходила бы с «смертельным увещанием». Кто ещё осмелился бы так вести себя перед императорским аристократом сверхранга?

Хотя мелкая пакостница всё ещё сохранила в себе некоторую долю наглости, по сравнению с прошлой жизнью, она стала куда более терпимой, вежливой и уравновешенной. И разве не в этом была заслуга её спутницы в учении?

Цзян Чэньюэ была непохожа на Цзян Хань и других старших братьев.

Цзян Хань с детства подавлялась и шлифовалась своенравной матерью, а затем, повзрослев, оказалась втянута в водоворот борьбы за престол. Потерпев неудачу у отца-императора, она теперь везде проявляла осторожность, мягкость и внимательность.

Она была словно отполированный обсидиан — внешне гладкая, но внутри скрывающая нечто, что никто не мог разглядеть. Её действия были всегда уравновешенными и приятными.

Цзян Чэньюэ же была совсем другой. С самого детства, когда она была ещё пухлым малышом, её баловали все в династии Ся. Мать её была прямолинейной и бесцеремонной, поэтому самым большим бедствием в жизни Девятого высочества были лишь дёрганье за уши и шлепки.

Её характер был словно необработанный шип, полный пыла и отваги, с духом воина.

В отличие от Цзян Хань, если Цзян Чэньюэ хотела кого-то защитить, она никогда не действовала исподтишка, а сразу объявляла войну.

Как, например, после одного из дворцовых банкетов, когда Девятое высочество заставила Первого принца наказать свою наложницу. Если бы это была Цзян Хань, она бы никогда так не поступила, предпочтя сначала примириться на словах, а затем исподтишка отравить Гу Жао, но уж точно не стала бы открыто защищать Гу Шэн.

Но Девятое высочество была другой.

Цзян Чэньюэ могла ради неё наживать врагов и делала это с гордо поднятой головой!

Однако этот характер был обоюдоострым мечом. В отличие от Цзян Хань, которая была заботливой и нежной, Цзян Чэньюэ была настоящим негодяем.

Из-за этого Гу Шэн часто пребывала в раздражении от её подшучиваний, но на самом деле она не злилась.

Способ, которым Девятое высочество пыталась привлечь внимание, был слишком детским, но в этом не было злого умысла. В случае опасности она всегда её защищала.

Поэтому Гу Шэн никогда не думала отказываться от должности спутницы в учении.

В тени большого дерева хорошо укрыться — она должна была защищать не только свою мать, но и Цзян Хань. Оставаясь рядом с Девятым высочеством, она могла следить за их действиями.

— Конечно, нет. Ты всегда выполняла свои обязанности отлично, А-Цзю становится всё более послушной и понятливой, — мягко улыбнувшись, Цзян Хань склонила голову, наблюдая за Гу Шэн.

Сердце Гу Шэн сразу успокоилось, и она смягчила тон, спросив:

— Тогда почему Ваше высочество хочет меня заменить?

— Ах, ты, девчонка, совсем не думаешь, — с досадой покачала головой Цзян Хань, улыбнувшись. — Когда А-Цзю вырастет, разве ты не боишься, что твоя честь будет поругана? Как я тогда смогу просить отца о свадьбе? Разве я могу похитить наложницу своей собственной младшей сестры?

Гу Шэн внутренне содрогнулась и онемела.

В её сердце Цзян Чэньюэ всё ещё была тем низеньким крепышом. Как она могла вдруг вырасти?

Прошло некоторое время, прежде чем Цзян Хань нахмурилась и спросила:

— Что это за выражение лица? Я не могу понять. Ты ошарашена от радости или от печали? Скажи прямо, это первый раз, когда я говорю с кем-то о таком, у меня нет опыта. Я не могу понять, согласна ты или нет.

Гу Шэн всё ещё стояла в оцепенении, не зная, радоваться ли ей или испытывать странное чувство тревоги.

Очнувшись, она покраснела и нахмурилась:

— Ваше высочество, зачем вы вдруг заговорили об этом? При свете дня, вы хотите меня застыдить до смерти!

Гу Шэн захлопнула занавеску, спрятавшись в паланкине, прижала руку к груди, чувствуя, как сердце бьётся, а в голове шумит.

Как Цзян Хань могла так быстро признаться ей в чувствах?

Гу Шэн не могла успокоиться, мысли её метались.

Возможно, после победы на Столичном состязании талантов и получения титула Сияющей Красоты, Цзян Хань смогла устранить разницу в их статусе, и поэтому признание произошло раньше.

Это было так неожиданно.

Гу Шэн, прислонившись к стенке паланкина, с сомнением во взгляде, чувствовала себя растерянной перед давно ожидаемыми чувствами.

В одно мгновение её охватили тысячи мыслей, и она совсем забыла о Втором высочестве за пределами паланкина, оставшись в одиночестве внутри, сжимая носовой платок.

Спустя некоторое время снаружи раздалось сдержанное извинение:

— Я была слишком поспешна, не принимай близко к сердцу.

Только тогда Гу Шэн очнулась, замерла на мгновение и снова приподняла занавеску.

Цзян Хань, с опущенными глазами, смотрела на окно паланкина, её белое лицо уже покраснело.

Гу Шэн почувствовала тепло в сердце. Как она могла забыть?

Цзян Хань всегда была молчаливой, и сегодня, вероятно, под влиянием какого-то импульса, она, притворившись спокойной, решила открыть свои чувства, вероятно, уже не в силах сдерживаться.

Теперь, получив такую реакцию от Гу Шэн, она, должно быть, почувствовала себя ужасно.

Гу Шэн, чьё сердце было в смятении, увидев смущение на лице Цзян Хань, мягко сказала:

— Ваше высочество не из тех, кто действует опрометчиво, но сегодня вы действительно поторопились. В таких делах лучше было бы пригласить меня на спокойную беседу.

Глаза Цзян Хань снова загорелись, и она поспешно велела носильщикам развернуться, сказав, что они останутся в маленьком чайном домике, мимо которого только что прошли.

Охранники, следовавшие за ними издалека, были в полном недоумении —

Они только что начали путь! Зачем останавливаться?

Гу Шэн, сидя в паланкине, прикрыла рот рукой, чтобы скрыть улыбку.

Её полные губы приоткрылись, обнажив жемчужно-белые зубы, что вызвало жар в сердце Цзян Хань, которая тоже глупо улыбнулась.

Гу Шэн, приподняв уголки глаз, улыбнулась:

— Ваше высочество, мы только что вышли из большого ресторана, а теперь идём в маленький чайный домик? Скоро стемнеет, может, перенесём разговор на другой день?

Цзян Хань, не обращая внимания, развернула лошадь и пошла за носильщиками, немного помолчав, ответила:

— Тогда дай мне ответ здесь. Если здесь неудобно, найдём другое место. Всё зависит от тебя.

Видимо, Второе высочество действительно спешило, ещё не решившись, она уже обращалась к ней на «ты», что было совсем не похоже на её прежнюю сдержанность.

Гу Шэн, сдерживая улыбку, сделала вид, что недовольна:

— Что вы имеете в виду, Ваше высочество? Разве, если Шэн сегодня не даст ответа, вы не позволите мне вернуться домой?

— Нет, я не это имею в виду, — запинаясь, Цзян Хань покраснела, но не отпускала её, продолжая держать поводья и направляясь к чайному домику. Через некоторое время она тихо, с лукавством, сказала:

— Тогда просто дай ответ? Согласна или нет, всё зависит от тебя. Я не люблю принуждать, заранее предупредила тебя, чтобы ты знала, иначе бы сразу подала прошение отцу.

Гу Шэн, сжав губы, опустила голову. Вокруг было столько людей, что ей стало неловко. Она хлопнула занавеской и снова скрылась в паланкине, чувствуя сладость в сердце.

Характер Цзян Хань совсем не изменился, он был таким, каким она его знала. Просто сегодня

она почему-то так торопилась, словно боялась, что кто-то её опередит.

Когда они добрались до чайного домика, оказалось, что это маленькая лавка размером пять чжанов, без отдельных комнат, явно не подходящая для императорского аристократа.

Слуга, увидев, что впереди идёт величественный гость с красивым, как изваяние, лицом, а за ним следует смущённая красавица, понял, что это не обычные посетители, и поспешно крикнул:

— Дорогие гости, прошу внутрь!

Цзян Хань огляделась вокруг. Это маленькое деревянное здание было видно насквозь, и она слегка нахмурилась.

Но если бы они пошли в другое место, уже стемнело бы, и она не могла испортить репутацию Гу Шэн. Пришлось смириться и остаться здесь.

Цзян Хань взглянула на нескольких посетителей, сидящих в зале, и кивнула сопровождающему, который сразу понял её желание и подошёл к каждому столику, давая немного денег, чтобы те ушли пить чай в другом месте.

Когда место освободилось, Второе высочество лично достала серебряный слиток и передала его слуге, сказав:

— Ты тоже выйди, в зале никого не должно быть, нам нужно поговорить наедине.

Слуга этого убогого чайного домика никогда не видел таких важных персон. Тайно взвесив серебряный слиток, он понял, что это пять лянов казённого серебра, и от волнения у него задрожали ноги. С благодарностью он спросил:

— Что прикажете подать, господин?

Если бы Цзян Хань была одна, она могла бы перекусить здесь, но сейчас с ней была Гу Шэн, и она не хотела, чтобы неопытный повар испортил её настроение. Она махнула рукой:

— Ничего не нужно, только чайник чая.

Слуга поклонился и ушёл, понимая, что эти важные гости случайно зашли в их чайный домик, и они не смели их беспокоить. Он быстро принёс чайник, наполнил две чашки и поспешно вышел, плотно закрыв дверь.

<http://bllate.org/book/16655/1526665>